ПРЕДЛОГИ ДВИЖЕНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОГА «ТО» И РУССКОГО ПРЕДЛОГА «ДО»

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЫШЕВ

Российский университет дружбы народов

Языковая картина мира, являющаяся в последние десятилетия объектом многочисленных исследований, отражает национальную картину мира и может быть выявлена при изучении языковых единиц разных уровней. Не вызывает сомнения, что выявление особенностей национальных языковых картин мира в полной мере возможно лишь при сравнительно-типологическом анализе языков и языковых единиц. В связи с небольшим количеством исследований по семантике предлогов представляется вполне закономерным и актуальным изучение тех фрагментов языковой картины мира, которые репрезентируются в значениях данных единиц языка. Целью статьи является сопоставительный анализ особенностей функционирования английского предлога *to* и русского предлога *до*.

Хорошо известно, что в современной лингвистике в основе исследования семантики предлогов лежит специфический подход к теории референции, которая определяется не на уровне слова, а на уровне высказывания. Е. С. Кубрякова считает возможным выдвинуть предположение о том, что в актах локального, ограниченного, простого взаимодействия со средой у человека складывались представления об окружающей его обстановке в целом — о том, что соответствовало его ощущениям непосредственной реальности и, прежде всего, панорамному охвату взглядом среды или пространства. Концептуализироваться и подвергаться категоризации должно было именно то, что входило в «ближайшее окружение» человека и определяло его жизнедеятельность, то, внутри чего он распознавал предметы и их признаки, но в то же время — и то, что соответствовало отдельному моменту его бытия, определяемому в терминах «здесь и сейчас». Для обозначения такого концепта был выбран наименее нагруженный в функциональном отношении и часто используемый в когнитивной литературе термин «сцена», хотя в равной сте-

пени можно было бы обозначить этот исходный концепт как «ситуацию» или «положение дел» (Кубрякова 2004, 256-257).

Описание предложного значения в виде абстрактного сценария предполагает, по убеждению Д. Пайара, учет элементов ближайшего окружения предлога, а именно термов X и Y , вводимых сценарием предлога (Пайар 2000, 163). К основным же значениям предлога относятся пространственные и временные, которые выводятся из некоторого общего и более абстрактного отношения, обнаруживаемого во всех употреблениях предлога (Пайар 2000, 152).

Кроме пространственных и временных выделяется и третья группа значений, основанных на метонимических и функциональных переносах (Селиверстова 2000, 233) и включающих большое разнообразие предметных отношений (причинных, следственных, целевых, условных и т.д.), которая имеет в лингвистике разное обозначение. Вслед за Д. Пайаром мы определяем эти значения как «функциональные» (Пайар 2000, 160). Комплекс значений в семантике предлога приводит к проблеме семантической общности на уровне многозначного слова, связанной с наличием общей семантической части в структуре полисеманта. Сторонники существования общих значений отмечают наличие единой семантической «нити», связывающей значения полисемантов так, что при всех их различиях они остаются лексико-семантическими вариантами слова.

В статье «О номинативной функции предлогов» Е. С. Кубрякова определяет ту структуру, которая объективируется сеткой связанных значений предлога и которая формируется за счет главного (ядерного) концепта этой структуры — концепта размещения объекта внутри другого объекта или же движения, направленного внутрь объекта или же происходящего внутри какой-то среды (Кубрякова 1999, 6). На этой основе строится единая образная схема, позволяющая описывать «все основные значения предлога, а главное представить себе сцены, стоящие за конструкциями с предлогом, и объяснить их» (Кубрякова 1999, 8).

Применительно к семантической общности значений предлогов представляется справедливым использовать термин «когнитивная модель», введенным в лингвистику У. Чейфом 1982. Преимущество употребления данного термина, на наш взгляд, состоит в том, что он способствует определенной систематизации приемов, методов и результатов когнитивного анализа. Как представляется, когнитивная модель дает схематизированную репрезентацию как языковых единиц, так и экстралингвистических реалий, или категорий.

Когнитивная модель определяется как целостное ментальное представление, схематизированная мысленная «картинка», своего рода прототип, с которым говорящий сравнивает наблюдаемую (или описываемую) ситуацию при выборе подходящих слов (Беляевская 2005, 64). С помощью стереотипного

образа организуется опыт, модель же, как указывает М. В. Пименова, определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также то, что мы хотим выразить (Пименова 1999, 38).

В основе понимания когнитивной модели является, по мнению Е. Г. Беляевской, представление о двухуровневой структуре семантики многозначного слова. На внешнем, поверхностном, уровне располагаются значения (или лексико-семантические варианты) слова. На глубинном уровне располагается когнитивная структура, своеобразная «внутренняя форма», представляющая собой схематизированный ментальный образ.

Когнитивная модель является, таким образом, общей для всех значений слова, она повторяется во всех его лексико-семантических вариантах, обеспечивая его тождество во всех контекстуальных реализациях (Беляевская 2005, 5).

Когнитивные модели и языковые схемы являются репрезентированным осмыслением мира. В связи с этим представляется необходимым решение вопроса о сущности языковой картины мира.

Во всем многообразии работ, посвященных языковой картине мира, Е. С. Яковлева выделяет противопоставление двух систем понятий — научных (используемых в физике, геометрии, логике, психологии), в совокупности образующих научную картину мира, и т.н. «наивных» (наивная физика, геометрия, логика), используемых человеком независимо от его знаний тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира (Яковлева 1994, 9).

Существует также тенденция трактовать значения языковых единиц (выражающих такие категории, как «время», «пространство», «знание», «восприятие» и т.п.), опираясь на систему соответствующих научных понятий. «Можно даже сказать, — пишет Е. С. Яковлева, — что в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой» (Яковлева 1994, 10). «Реконструкция 'наивной модели' мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе, — полагает Ю. Д. Апресян. — [...] Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности [...] понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национальных своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обна-

руживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными (Апресян 1986, 6).

Таким образом, речь идет о языковом отражении понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания. В связи с этим, вопрос о значимости той или другой картины мира решается в аспекте языковой релевантности, а именно: что влияет на наше языковое поведение, что определяет выбор языковых единиц, в частности, предлогов — естественно-научные знания или «наивные», обиходные представления, в том числе о времени и пространстве.

Что касается временного значения, то предлоги *to* и *до* выражают идею стремления к конечной точке во времени как к своему пределу. Например:

- (1) В полночь Лаврецкий проводил Лемма на квартиру и просидел у него *до трех* часов утра (Тургенев).
- (2) Она его приняла как нельзя лучше, и *до* поздней *ночи* высокие комнаты дома и самый сад оглашались звуками музыки, пенья и веселых французских речей (Тургенев).

В данных примерах *У* является конечным моментом как при обозначении конкретного времени (1), так и времени суток (2).

- (3) The girl is no such fool, as *to live to eleven years old* without knowing that she was her father's relation (Fielding).

Пример (3) показывает, что описываемые события относятся ко времени, предел которого выражается через указание на возраст человека.

Нередко предлог *до* употребляется в комбинации с предлогом *от*, обозначающим движение от начального пункта. В этом случае комбинация *от (с) ... до ...*, также как и эквивалентная ей комбинация в английском языке *from ... to ...* выражает значение интенсивности времени. Ср.:

- (4) Озлобленный противу всему и всех — особенно против женщин, — он бранился *с утра до вечера*, иногда очень метко, иногда довольно тупо, но всегда с наслаждением (Тургенев).
- (5) One remark, however, I cannot forbear making on her narrative, namely, that she made no more mention of Jones, *from the beginning to the end*, than if there had been no such person alive (Fielding).

Как представляется, количественные значения предлогов также могут быть отнесены к временным значениям, например:

- (6) [...] и все эти высокородные повесы и недоросли *от двенадцати до пятнадцати лет* [...] твердили о своих бесцветно завядших годах [...] (Есенков).

- (7) Оттого и жалование назначалось самое скудное, *от шестисот до семисот рублей* в год [...] (Есенков).

Вместе с тем, предлог *до*, как показало исследование, имеет более широкую сферу применения по сравнению с временным значением английского предлога *to*, так как может употребляться при выражении событий, предшествовавших другим событиям или действиям. Например:

- (8) Я почему-то очень люблю вспоминать все, что было *до университета* (Шугаев).

В примере (8) 'университет' выступает в качестве определенного события-ориентира, разделяя время на разные этапы, отрезки. Английским же аналогом предлога *до* в этом значении будет, очевидно, выступать предлог *before*.

Итак, *У* временного значения русского предлога *до*, также как и английского предлога *to*, выступает не просто в качестве конечного момента, а в качестве временного предела на воображаемом временном отрезке.

В пространственном значении одним из основных семантических параметров, характерных для предлогов *to* и *до*, является дистанция, или расстояние, что также имплицитно идею предела, свойственного для восприятия конечного пункта движения (перемещения). Ср.:

- (9) It would be as good as *moving to* another part of the country to *move to* the South Side (Dreiser).
(10) [...] у Прачешного мосту делает поворот на Фонтанку *до Аничкова мосту*, после возвращается Невским проспектом к себе (Есенков).

Как представляется, идея предела движения ассоциируется с идеей всеохватности, что находит отражение в использовании предлогов *from* (английский) и *от* (русский), относящих к начальному пункту перемещения. Например:

- (11) Women [...] walked arm in arm on their way to the fine shops or theatres strung along *from Fourteenth to Thirty-fourth streets* (Dreiser).
(12) Путь *от Царицына до Новороссийска*, — спокойноотреагировал Сталин, — на самом деле может оказаться гораздо длиннее, потому что он проходит через враждебную классовую среду. И наоборот, путь *от Тулы до Новороссийска* может оказаться гораздо короче, потому что он идет через рабочий Харьков, через шахтерский Донбасс (Марченко).

В примерах (11)-(12) представлена идея протяженности (интенсивности) топографического пространства, ограниченного указанными улицами — че-

тырнадцатой и тридцать четвертой, а также означенными городами — Царь-цыным, Тулой и Новороссийском.

Ограничение пространства со стороны *Y*, как представляется, обуславливает употребление предлога *to* в английском языке.

- (13) They were people of a sort very common in America to-day, who live respectably *from hand to mouth* (Dreiser).

Восприятие единства, подчеркивающего респектабельность человека, создается скреплением при помощи предлога *to* функционально неоднородных и антропологически противоположных предметов (частей тела) — руки ('hand') и рта ('mouth'). Метафорическое пространство, соединяющее два «пункта», представляется обширным, исходя из контекста.

- (14) Drouet jumped *from one easy thought to another* as he caught Hurstwood's eye (Dreiser).

Глагол *to jump* имплицитно подразумевает неустойчивость, подвижность. Мысли представляют собой разбросанные точки, скрепленные множеством коротких отрезков, через которые можно перепрыгнуть. Понимание действия как линии, очевидно, позволяет говорить о функциональном единстве предметов, в данном случае мыслей.

Ограничение пространства со стороны *Y* обуславливает и употребление предлога *до* в русском. Примеры:

- (15) [...] Сперанский, пострел, составляет полный план преобразования государственного устройства, в частях решительно во всех, от государя кабинета *до* волостного *правления* [...] (Есенков).
- (16) Для сердечного сближения они казались слишком различны во всем, от понимания, что есть счастье жизни, *до* мелких *привычек*, включая привычку сигары курить (Есенков).
- (17) Серое парижское платье стройно охватывало ее гибкий, почти семнадцатилетний стан, ее тонкая нежная шея, окруженная белым воротничком, ровно дышавшая грудь, руки без браслетов и колец — вся ее фигура, от лоснистых волос *до кончика* едва выставленной ботинки, была так изящна ... (Тургенев 1998 Т.2: 280).

Предложения (15)–(17) демонстрируют случай «метафорического пункта назначения» при использовании предлогов *от* для *X*-а и *до* для *Y*-а.

Идея «метафорической целостности» репрезентируется в предложениях, подчеркивающих широту охвата взгляда, простирающегося на весь рост человека (18), и реакцию организма на определенные события (19). Примеры:

- (18) Она сурово сдвинула брови, оглядывая его от сапог *до макушки*, точно в детстве, хорошо ли одет, — у Одоевских бал [...] (Есенков).
- (19) [...] он с нетерпением выслушал, как дочь Мироньи Ивановны лепетала с робостью деревенской, и вдруг побледнел *до ушей* (Есенков).
- (20) Но, верно, от слова *до дела* еще далеко, и вы теперь струсили точно так же, как струсили третьего дня за обедом перед Волынцевым (Тургенев).

В примере (20) *X* и *Y* предстают как принципиально разные, противоположные величины, расстояние между которыми, очевидно, далекое. Идея совмещения *X*-а и *Y*-а представляет собой психологический путь и в этом смысле является метафорическим единством двух предметов — слова и дела.

В следующем примере идея расстояния помимо предлога *до* интенсифицируется использованием соответствующей лексики:

- (21) Александр [...] острее ощущал, как далеко *расстояние от* него *до* нее (Есенков).

Именные выражения с предлогом *до* сопровождают также слова, обозначающие крайнюю степень пространственного предела, такие как *вплоть, самый*. Например:

- (22) Он долго ехал, понунив голову, потом выпрямился, медленно произнес: [...] но тотчас же ударил лошадь хлыстом и скакал *вплоть до* дому (Тургенев).

Таким образом, предлог *до* выступает «как один из атрибутов когнитивного концепта», репрезентирующего однородность пространства. Это, по словам А. В. Кравченко, «говорит о том, что идея пространства, представленная в значении *до*, была связана с его восприятием и концептуализацией как единого неструктурированного по разным измерениям целого (Кравченко 2004: 63). По сути дела, *до* отражает первичное восприятие и осознание действительности как «всего наличного бытия».

Пространственное значение предлогов *то* и *до*, как следствие, оказывается связанным с временным значением. Отмечая мысль А. В. Кравченко о том, что сменяющие друг друга предметные области пространства, ограниченные полем зрения и обладающие изначальной неопределенностью вследствие вариативности размеров поля зрения, послужили основой формирования единого когнитивного концепта пространства-времени, отражающего последовательность процесса «собирания» разъятого пространства: от *до₁* к *до₂* к *до_n* ... до «вес де», т.е. *везде*, и «все где», т.е. *всегда* (Кравченко 2004, 82–83), мы можем выдвинуть гипотезу о когнитивной модели предлога, в основании кото-

рой заключена идея 'достижение конечной точки движения (перемещения) как предела'.

Как подтверждает следующий пример, связь семантики предлогов *to* и *до* при актуализации концепта 'предел, интенсивность' обусловлена историческим значением русского предлога, употреблявшегося наряду с предлогами *к* и *в* для выражения направления движения. Пример:

Близ же сущей людѣ юппин, оученицы слышавше, ѡакъ петръ есть въ ней, послаша два мѡжа къ немѡ, моляще его не ѡблѣнитсѡ *прити до нихъ* (Новый завет)

В основании же различных условий употребления предлогов *в* и *до*, очевидно, находится коммуникативно обязательная валентность, которая, по мнению А. Д. Шмелева, определяет коммуникативную ориентацию используемых в высказывании глагола движения и предлога (Шмелев 2002, 183, 191). Предлог *в*, как представляется, имеет валентность *куда?*, для предлога же *до* характерна валентность *докуда?*. В английском языке для обоих видов валентностей характерно использование предлога *to*.

Данное обстоятельство, очевидно, объясняется различным способом концептуализации движения и конечного пункта в русском и английском языках. Представляется возможным предположить, что в русской языковой картине мира движение воспринимается как результат, как цель, то есть в связи с топологическими особенностями конечного пункта. В английской же языковой картине мира существенным оказывается сам характер движения, условия взаимодействия *X*-а и *Y*-а в процессе движения, независимо от того, является ли конечный пункт пределом, ориентиром или целью перемещения. Таким образом, в русской языковой картине мира в качестве онтологической данности выступает пункт назначения, в то время как в английской языковой картине мира онтологическим феноменом является перемещение.

Что касается функциональных значений предлогов *to* и *до*, то они также характеризуются как сходством, так и различием в их употреблении. Очевидно, что функциональные значения английского предлога намного шире функциональных значений русского предлога и содержат целый ряд семантических параметров, таких как предел (интенсивность), совмещение, точечность, активность реципиента, целенаправленность, идентичность, указание и др. Предлог же *до* характеризуется, главным образом, семантическим параметром предела (интенсивности).

Сходство предлогов *to* и *до* заключается в таком восприятии отношения между предметами, при котором *X* (частное) функционально входит в состав *Y* (общего). Например:

- (23) Bob was *game to the marrow*, but he was found *hit to pieces* on the lawn inside the gate where the summer-house stands (Conan Doyle).

В примере (23) предлог *to* дважды употребляется в значении «предел» («интенсивность»). Комбинация предлог + существительное ‘*to the marrow*’ соответствует русскому устойчивому выражению ‘до мозга костей’, в силу чего «мозг» является одновременно и пределом, и степенью события, факта, то есть «игры». Во втором словосочетании (*‘hit to pieces’*) ‘*piece*’ (‘кусок’) выступает одновременно и как предел, и как часть, оставшаяся от некогда существовавшего единства.

(24) Our men work themselves *to the bone* for us all year (Siddons).

В примере (24) идея интенсивности проявляется в том, что имплицитруется степень самоотдачи человека при выполнении работы. Усталость, или износ мышц обуславливает употребление существительного *bone* (‘кость’) для выражения предела человеческих возможностей.

(25) The first grenade had *torn* the front end *to shreds* (Clancy).

В предложении (25) в семантике глагола *to tear* (‘разрывать’), безусловно, присутствует идея изначального единства, существительное *shred* (‘клочок’, ‘обрывок’) является тем, что остается от этого единства.

(26) Hurstwood’s shoes were of soft, black calf, *polished* only *to a dull shine* (Dreiser).

Степень действия, обозначенного глаголом *to polish* (‘полировать’), определяется интенсивностью блеска. Отношение между лексемами *polished* и *shine*, как демонстрирует данный пример, осуществляется при помощи предлога *to*.

(27) He kept away from personalities altogether, and confined himself to those things which did not concern individuals at all (Dreiser).

В предложении (27) сообщается о степени *ограничения* предмета разговора «вещами, которые не касались личностей». В качестве реляции между *X*-ом (*himself*) и *Y*-ом (*things*) также служит предлог *to*.

(28) «Under the Gaslight,» said Mr. Quincel, mentioning Augustin Daly’s famous production, which had *worn* from a great public success down *to* an amateur theatrical *favourite*, with many of the troublesome accessories cut out and the dramatis personae *reduced to* the smallest possible *number* (Dreiser).

В данном примере концепт ‘уменьшение интенсивности действия до определенной степени’ актуализируется употреблением предлога *to* после глагола, в семантике которого заключена идея перехода на менее качественный

уровень (*to wear*), а также после глагола, непосредственно связанного со значением 'уменьшение, сокращение'. При этом слово *number* характеризует степень данного уменьшения.

Обратный случай имеет место в следующих предложениях, где говорится о степени расширения сферы действия объекта — знаний ('knowledge') (29) и достижения критической точки в области напряжения ('tension') (30). Ср.:

(29) Her knowledge of life *extended to* that little conventional *round* of society of which she was not – but longed to be – a member (Dreiser).

(30) He was *screwed up to* the highest *tension* (Dreiser).

В русском языке концептуализация *Y*-а (конечного пункта) как зоны совмещения, предела, интенсивности осуществляется при помощи предлога *до* и сопровождающих его лексем с общей семантикой «край», «предел», «конец» и т.д. Например:

(31) Торг [...] был насильственно прекращен, что *до крайности* возмутило горские племена (Есенков).

(32) Рядом на столике *до основания* выгорела свеча (Есенков).

Довольно часто обозначение этого предела сопровождается словом *самый*. Ср.:

(33) И в прежние времена, так любимые безвредными отставными фрондерами, безымянные, бесприметные поднимались *до самого верху* [...]. (Есенков).

(34) [...] не подоспей отряды Гудовича, грузинский народ мог быть истреблен *до самого корня* [...] (Есенков).

Предел или степень состояния могут быть обозначены не конкретной лексемой, а устойчивыми словосочетаниями, фразеологизмами, такими как *до седьмого поту*, *до мозга костей*. Примеры:

(35) [...] они трактовали об Македонском герое, посещали университет без особенной пользы для себя и Отечества и *до седьмого поту* прыгали у нее на танцклассе [...] (Есенков).

(36) [...] однако же еще более сводило с ума, что, русский *до мозга костей*, он истинных познаний должен был набираться у добросовестных немцев [...] (Есенков).

Предлог *до* употребляется при существительных, обозначающих крайнюю степень состояния, характерную для определенной ситуации, контекста, например:

- (37) Сознание пропасти, на краю которой он очутился по своей же вине, вновь закружило, замучило *до озноба* в спине (Есенков).

В примере (37) озноб является тем состоянием, дальше которого в данных условиях ничего быть не может.

- (38) Кокошкин [. . .] *до суеверия, до язычества* прочно державшийся замшелых театральных обычаев, олицетворение самодовольства и пафоса, униженно перед ним извинялся [. . .] (Есенков).

Прочность театральных обычаев представляется настолько глубокой, что связывается с религиозным предрасположением человека. Этим обстоятельством, очевидно, обусловлен выбор слов *суеверие, язычество*, обозначающих степень, предел веры в предрассудки.

- (39) После этого нечего говорить, что дурацкие склоки и стычки профессоров его доводили *до бешенства*, и он не прощал, что прочие только хохотали *до слез* (Есенков).

В данном предложении подчеркивается степень гнева одних и степень веселья других людей.

- (40) Стоя у окна, не глядя ни на кого в особенности, он говорил — и, вдохновенный общим сочувствием и вниманием, близостью молодых женщин, красотой ночи, увлеченный потоком собственных ощущений, он возвысился *до красноречия, до поэзии* (Тургенев).

- (41) Покорский был на вид тих и мягок, даже слаб — и любил женщин до безумия, любил покутить и не дался бы никому в обиду (Тургенев).

Вышеприведенные примеры демонстрируют степень вдохновения, упоения (40) и степень проявления слабых сторон человека (41).

Также как и предлог *то*, предлог *до* концептуализирует такой способ отношений *X*-а и *Y*-а, при котором *Y* является тем частным, в котором реализуется или до которого простирается общее (*X*). Например:

- (42) [. . .] как были бы счастливы люди, когда бы истинными философами сделали бы *все до единого* (Есенков).

Синтаксически значение степени или предела может эксплицироваться придаточным предложением, которое присоединяется к главному с предлогом *до*, например:

- (43) Князь Шаликов в гостиных и в клубе грозился прибить прохвоста *до полусмерти* и *до того* беднягу перепугал, что бывший ротмистр, сержант и урядник испрашивал защиты московского полицмейстера, потешивши изрядно Москву (Есенков).

Экплицируя инвариантное значение степени, предела, предлог *до*, как представляется, используется при обозначении невозможности или сложности достижения определенной степени. Например:

- (44) Безусых мальчиков заветной мечтой [...] была гвардия, полки, [...] завлекавшие [...] приятной возможностью служить на виду у государя, не обременяясь тяжким грузом темных наук, *до которых* отцам-командирам ни малейшего не было дела [...]. (Есенков).

В данном предложении предлог *до* концептуализирует науку как одну из возможных, но неостребованных перспектив (путей, направлений) профессиональной деятельности.

- (45) [...] однако где же ей *до Семеновой*, и глас и статура не та, уж ты, брат, не шали, молю не за себя одного, за театр (Есенков).

В примере (45) *У*, по всей вероятности, является недостижимым пунктом простирающейся перспективы условий, имплицитруемых местоимением *где*.

- (46) Впрочем, он небольшой был *охотник до* всяких внезапных поездок и затей и участвовал в них, как взрослые в детских играх, с ласковым и слегка скупающим благоволением (Тургенев).

В данном примере недостижимым пунктом является перспектива желаний с коммуникативно обязательной валентностью *докуда?*, *до чего?*. Понятие перспективы оказывается принципиальным с точки зрения анализа семантики предлога *до*. Поскольку достижение конечной точки возможно лишь потенциально, то данная перспектива воспринимается как экстравертная, предполагающая движение от чего-то близкого к чему-то далекому. Именно с экстравертной перспективой, как уже было отмечено выше, связано употребление следующего за предлогом *до* существительного в родительном падеже.

Сохраняются случаи употребления предлога *до* в значении обращения к лицу (вместо предлога *к*). Ср.:

- (47) — У меня есть *до* вашей матушки и *до вас* великая просьба: посетите меня на моем новоселье (Тургенев).

Идентичные случаи употребления предлогов *to* и *до* характерны и для обозначения ситуаций отношения, когда *Y* является реципиентом внешних источников воздействия. Ср.:

- (48) But *as to his power*, he never used it; and *as to his benevolence*, he exerted so much, that he had thereby disoblged all his neighbours [. . .] (Fielding).
(49) *To his surprise* the senior man cut him short and suggested they drive over to the main embassy to consult jointly with the head of chancery (Forsyth).
(50) Что же касается *до Натальи Алексеевны*, я не буду тратить лишних слов; но вы обратите внимание на вашего брата (Тургенев).
(51) Что касается *до меня*, я во многом изменился, брат: волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь, это сказал? (Тургенев).

В современном русском языке предлог *до* при выражении данных отношений чаще опускается. Функциональные значения предлога *до* позволяют, таким образом, верифицировать гипотезу о его когнитивной модели, в основу которой положена идея предела, или интенсивности действия, движения до определенной точки пространства.

Когнитивная модель предлога *до* может быть соотнесена с одним из семантических параметров английского предлога *to*.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что предлоги *to* и *до* в целом имеют исторически сходную концептуализацию предметных отношений, однако их когнитивные модели оказываются различными. Если предлог *to* концептуализирует конечный пункт как точку, систему отсчета всего того, что движется к ней, то при помощи русского предлога *до* осуществляется концептуализация конечного пункта как предела, или своеобразной точки обратного отсчета при экстравертной перспективе. Таким образом, национальная языковая картина мира фрагмента, связанного с восприятием конечного пункта движения одного предмета к другому, оказывается различной в английском и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Ю. Д. 1986. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика* 28. 5–33.
- Беляевская, Е. Г. 2005. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа). *Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов* 1. 5–14.

- Кравченко, А. В. 2004. *Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации*. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та.
- Кубрякова, Е. С. 1999. *О номинативной функции предлогов. Номинация и дискурс: межвузовский сборник научных трудов*. Рязань.
- Кубрякова, Е. С. 2004. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры.
- Пайар, Д. 2000. *К вопросу о значении предлога sur. Исследования по семантике предлогов*. М.: Русские словари.
- Пименова, М. В. 1999. *Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Селиверстова, О. Н. 2000. *Семантическая структура предлога на. Исследования по семантике предлогов*. М.: Русские словари.
- Чейф, У. 1982. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. *Новое в зарубежной лингвистике* XI. 277–316.
- Шмелев, А. Д. 2002. *Из пункта А в пункт В. Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. М.: Индрик.
- Яковлева, Е. С. 1994. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М.: Издательство «Гнозис».

АДРЕС АВТОРА

Алексей Чернышев
Российский университет дружбы народов
Филологический факультет
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Россия
alexeich_78@mail.ru